

ПАРАДОКС ЭФФЕКТА МАТФЕЯ В НАУКЕ И ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

И. Г. НЕДЕЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Раскрывается парадоксальный характер эффекта Матфея в науке, который был зафиксирован Р. Мёртоном и его коллегами в результате исследований 1960-х гг. Утверждается, что эффект Матфея – это выражение неравенства в распределении признания научного вклада в академическом сообществе, которое носит закономерный характер. Исследования обнаруживают признаки неравенства не только на уровне национальных академических сообществ, но и на международном уровне. Данная закономерность вступает в противоречие с фундаментальными принципами научного этоса коллективизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма, что обуславливает теоретическую актуальность проблемы. Отмечаются практические причины актуальности данной проблемы, связанные с нарастающим давлением на научно-образовательные системы в виде рейтингов как отдельных сотрудников, так и организаций, научных изданий и целых стран. Рассматриваются общие критерии установившихся подходов к концептуализации неравенства в обществе. Утверждается, что доминирующей моделью в концептуализации социального неравенства в социологии является классовая модель, специфика которой определяется в рамках отдельных подходов. Выделяются ключевые аспекты научной деятельности, которые выражаются в ее символическом и коллективном характере, а также в экономической обусловленности выработки научного знания. Подчеркивается, что специфика научной деятельности требует особых подходов к изучению неравенства и обоснованию эффекта Матфея в науке. Предпринимается попытка обосновать эвристическую ценность и релевантность теории П. Бурдьё для решения теоретической проблемы неравенства в научной среде. Выделяются ключевые положения теории поля науки П. Бурдьё, которая благодаря оперированию категориями различных форм капитала интегрирует в себя как взаимодействие отдельных аспектов научной деятельности, так и различные уровни социальных отношений в научном сообществе. Утверждается, что эта теория позволяет фиксировать базовые механизмы неравенства в сфере науки, однако требует обращения к другим теориям из области социологии научного знания.

Ключевые слова: эффект Матфея; неравенство в науке; научный капитал; Р. Мёртон; П. Бурдьё.

THE PARADOX OF THE MATTHEW EFFECT IN SCIENCE AND ITS SOCIOLOGICAL SOLUTION

I. G. NEDELEVSKAYA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article reveals the paradox of the Matthew effect in science, which was discovered by R. Merton and his colleagues in the result of their research in the 1960s. The author argues that the Matthew effect is an expression of inequality in the academic community, which has a regular nature. The article notes that studies reveal signs of inequality both at the national and international levels of academic communities. This pattern contradicts the fundamental principles of the scientific ethos of collectivism, universalism, selflessness and organised skepticism. That determines the theoretical relevance of the problem. The article also defines the practical reasons for the relevance of this problem, the causes of which lie in the increasing pressure on scientific and educational systems in the form of ratings of individual employees and organisations, scientific

Образец цитирования:

Неделевская ИГ. Парадокс эффекта Матфея в науке и его социологическое решение. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:33–39.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-33-39>

For citation:

Nedelevskaya IG. The paradox of the Matthew effect in science and its sociological solution. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:33–39. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-33-39>

Автор:

Илона Генриховна Неделевская – старший преподаватель кафедры социологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Ilona G. Nedelevskaya, senior lecturer at the department of sociology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism.
inrainbow21@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8794-0913>

publications and entire countries. The article discusses the general criteria of established approaches to the conceptualisation of inequality in society. It is argued that the dominant model in the conceptualisation of social inequality is the class model, the specifics of which are determined within the framework of particular approaches. The author highlights the key aspects of scientific activity, which are expressed in its symbolic and collective nature, as well as in the economic conditionality of the process of scientific knowledge production. It author argues that the specifics of scientific activity require the definition of special approaches and theories in the study of inequality in science and the justification of the Matthew effect in this area. The article presents an attempt to substantiate heuristic value and relevance of Bourdieu's theory for solving the theoretical problem of inequality in science. It highlights the key provisions of Bourdieu's theory of the field of science, which integrates both the interaction of individual aspects of scientific activity and various levels of social relations in the scientific environment due to the operation of concepts of various forms of capital. The author argues that his theory gives a possibility to define the basic mechanisms of inequality production in science, but requires recourses of other theories from the field of sociology of scientific knowledge.

Keywords: Matthew effect; inequality in science; scientific capital; R. Merton; P. Bourdieu.

Введение

В 1942 г. вышло в свет эссе американского социолога Р. Мёртона «Нормативная структура науки» [1]. В работе был сформулирован широко известный тезис о научном этосе, который включает в себя нормы коллективизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма. Данный тезис впоследствии стал каноническим для описания нормативных оснований науки как социального института, однако весьма скоро был подвергнут критике за идеализированное представление о научном сообществе. Оппоненты указывали на то, что Р. Мёртон сформулировал выводы на основе исследования материалов науки XVII–XIX вв. в виде биографий ученых, их переписок, а также работ историков науки, которые позволяли составить лишь схематическое представление о нормах научного сообщества, оставляя в тени отклонения от них. Так, нормы коллективизма и бескорыстия оказались в конфликте с установлением приоритета авторства и идей об академической видимости, а универсализм и организованный скептицизм – с неравным распределением признания исследователей по самым разным основаниям.

В конце 1960-х гг. Р. Мёртон выявил проблему социальной стратификации в научном сообществе, что свидетельствовало о структурном отклонении института науки и научного сообщества от норм этоса. В результате работы с группой коллег им было установлено, что, во-первых, ученые различаются по количеству публикаций и научной результативности, во-вторых, работы ученых различаются по степени использования, т. е. по цитированию [2, с. 260], в-третьих, ученые «готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним

заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают» [2, с. 258]. Данную закономерность Р. Мёртон обозначил в качестве эффекта накопленного преимущества, или эффекта Матфея. В конце 1990-х гг. ряд исследователей продолжили разработки данной концепции на глобальном уровне и выявили такие же закономерности на макроуровне стран и регионов [3].

С точки зрения Р. Мёртона, эффект Матфея в науке – это функциональная девиация, которая упрощает и ускоряет распространение научных открытий. Тем не менее данная закономерность является крайне парадоксальной в связи с тем, что входит в прямое противоречие с нормами научного этоса, которые, несмотря на наличие некоторых отклонений, все же позволяют обеспечить условия для функционирования науки как социального института, ориентированного на производство особого вида знания. Это обуславливает актуальность поиска теоретических оснований для объяснения парадоксальной закономерности стратификации в науке.

Сегодня данная проблема остро входит в практическую плоскость. В условиях нарастающего давления на научно-образовательные системы в виде различных рейтингов как отдельных сотрудников, так и организаций, научных изданий и даже целых стран, проблема неравенства в науке на ее разных уровнях все чаще становится предметом исследований и острых дискуссий в академическом сообществе. Таким образом, данная работа преследует цель обнаружить теоретические основания для объяснения и изучения феномена стратификации в научной среде.

Основания неравенства в обществе и науке

Социальное неравенство, которое выражается в неравном вознаграждении или неравных возможностях для социальных групп или индивидов, является одной из фундаментальных проблем в социо-

логии. Еще до появления социологической науки начало концептуализации неравенства было положено философами, а затем продолжено представителями других дисциплин, которые рассматривали

данную социальную и научную проблему со своего объектно-предметного ракурса. В социологии проблема социального неравенства оформилась в категории стратификации как структурированного социального неравенства¹ или любого систематического неравенства между группами людей как непреднамеренного результата общественных процессов и отношений².

Сегодня в социологии можно обнаружить несколько теоретических моделей стратификации, основанных на выделении различных критериев ранжирования социальной позиции. В качестве релевантных современному обществу моделей некоторые исследователи выделяют модели кастовой, сословной и классовой стратификации, которые способны сосуществовать и вступать во взаимодействие [4, с. 31]. Анализ литературы показывает наличие двух основных подходов к исследованию социальной стратификации: классового, который основан на объективных показателях принадлежности к социальному классу, и статусного, который базируется на субъективных оценках престижа индивидов, социальных групп и профессий.

Переход многих современных обществ к индустриальному типу определил доминирование среди исследователей классовой модели стратификации на весьма продолжительный период. В определении социального неравенства классовая традиция чаще всего ассоциируется с марксистской парадигмой, хотя, как отмечают исследователи, ее понятийный аппарат используется и за рамками этого направления [4, с. 36].

Многие современные классовые модели стратификации были инспирированы разработками К. Маркса и М. Вебера. Если у К. Маркса разделение на классы основывалось на разделении труда и собственности, то М. Вебер дополнил экономические основания критериями политической власти и престижа. Современная неомарксистская парадигма классового анализа склонна дополнять критерий неравенства доступа к средствам производства такими критериями классовой дифференциации, как участие в управлении, включающее контроль за чужим трудом, а также за денежным и материальным капиталом, и уровень квалификации, отражающий обладание специальными умениями и знаниями и определяющий специфический вид власти [5, с. 11]. Неовеберовская парадигма, построенная на основе идей М. Вебера о связи класса с его положением на рынке труда, в качестве дополнительного критерия дифференциации вводит тип трудового контракта, регулирующего занятость [6, с. 180].

Развитие неовеберовского и неомарксистского подходов к классовому анализу сопровождалось появлением альтернативных концепций, которые не

связаны с какими-либо традиционными схемами классовой теории. В качестве таковых можно выделить неодюркгеймианский подход, рентоориентированный подход, а также классовый подход, разработанный П. Бурдьё. Неодюркгеймианский подход к классовому анализу наиболее ярко представлен в теоретических разработках профессора Стэнфордского университета Д. Граски. За основу анализа он берет дюркгеймианскую теорию и посредством ее методологических принципов предпринимает попытку определить влияние детализированных положений в рамках профессионального разделения труда на жизни индивидов. Рентоориентированный подход, активно разрабатываемый А. Соренсеном, опирается на концепции неоклассических экономистов и понятие рент, восходящее к работам Д. Рикардо. Согласно данному подходу классы могут возникать лишь в условиях неидеально работающего конкурентного рынка, в рамках которого создаются ренты. Они могут быть присвоены одними социальными группами в ущерб другим, в результате чего возникают классы. Подход же П. Бурдьё основан на критике марксистской парадигмы и собственных теоретических разработках. В основании дифференциации П. Бурдьё видит неравномерное распределение различных форм капитала между индивидами, а также разделение труда. Следует отметить, что, несмотря на установку французского социолога избежать экономического детерминизма, он все же признает стремление экономического капитала к доминированию в определении логики социальных отношений.

Переход обществ развитых стран к постиндустриальному типу, а также особенности социальной структуры обществ с альтернативными экономическими моделями развития (например, с социалистическими и коммунистическими), которые с большим трудом поддавались описанию в категориях социальных классов, обусловили критику в отношении классового подхода в середине 1980-х гг. [7, с. 162–163]. Вместе с тем понятие «класс» продолжает сохранять за собой роль одной из фундаментальных социологических категорий для описания неравенства в обществе и, видоизменяясь, приобретает новые формулировки, что выражается, например, в использовании терминов «средний класс», «креативный класс», «когнитариат», «прекариат» и др. Кроме того, некоторые исследователи утверждают, что, хотя классовая идентификация в постиндустриальных обществах ослабевает, классы по-прежнему остаются релевантным фактором формирования жизненных шансов индивида [7, с. 164].

Таким образом, в основе подходов к концептуализации социального неравенства в социологии лежат такие ключевые критерии, как разделение

¹Терещенко О. В., Сивуха С. В. Социальная стратификация // Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. Минск : Книж. дом, 2003. С. 957.

²Scott J. Oxford dictionary of sociology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. P. 1003.

труда и экономическое положение. Однако данные критерии оказываются нерелевантными для концептуализации неравенства в науке, которая обладает своими особенностями, не сводимыми к более широкому социальному структурному.

Наука, как социальный институт, ориентирована на удовлетворение потребности в выработке особого вида знания. Понятие знания можно рассматривать в качестве упорядоченной, полученной определенным способом (методом) и в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленной информации, которая имеет социальное значение и признается в качестве знания социальными субъектами или обществом в целом³. Научное знание должно соответствовать ключевым критериям объективности, обоснованности и системной организованности, что обеспечивается рядом принятых в научном сообществе процедур.

При рассмотрении специфики неравенства в науке следует принимать во внимание несколько фундаментальных характеристик научной деятельности. Во-первых, это ее символический характер, во-вторых, ее коллективные основания.

Символический характер научной деятельности проявляется в двух аспектах. Первый выражается в знаково-символической форме знания [8, с. 269]. Так, трансляция знания возможна лишь благодаря использованию разделяемых другими индивидами знаков и символов, базовый уровень которых представляет язык. Язык, применяющийся в рамках научной деятельности, является крайне специфической знаково-символической системой и чаще всего оказывается доступен лишь для тех, кто освоил его на уровне, необходимом для дешифровки научного знания.

Второй аспект символического характера научной деятельности связан с необходимостью признания научного знания в качестве такового. Признание, однако, может различаться по своей степени. Так, деятельность ученых ориентирована на приращение научного знания, что часто обозначается понятием научного вклада. Ценность научного вклада может варьироваться в зависимости от того, как участники того или иного научного сообщества оценивают его потенциальный прогресс в решении научных проблем, что определяется новизной. К примеру, приращение знания в виде утверждения новых фактов, постановка новой проблемы, предложение нового подхода или метода решения чаще всего оцениваются выше, чем систематизация имеющегося зна-

ния или констатация факта того, что определенный подход или метод не позволяют приблизиться к решению поставленной проблемы. Оценка научного вклада обуславливает степень признания того или иного участника научного сообщества, что является символическим и коллективным процессом.

Коллективность определения научного признания и статуса ученого выражается также в устоявшемся консенсусе критериев научного знания и их крайних границ, которые задаются имеющимся запасом знания. Научный вклад должен демонстрировать признаки новации, однако степень ее радикальности может привести к разным последствиям для ученого в зависимости от состояния установившегося консенсуса. Так, претензия на революционность научного вклада в условиях нормальной науки (в терминологии Т. Куна) может привести не к признанию научного открытия исследования, а к стигматизации ученого в качестве маргинала или своеобразного еретика научного сообщества. В истории науки можно обнаружить весьма большое количество персоналий, научный вклад которых был признан не сразу (в качестве современных примеров можно привести открытие мобильных генетических элементов американским цитогенетиком Б. Мак-Клинтоком или открытие бактерии *Helicobacter pylori* австралийскими исследователями Р. Уорреном и Б. Маршаллом) либо не признаны вовсе.

Анализ специфики научной деятельности видится неполным без учета еще одной важной стороны – материального и финансового обеспечения науки, ведь сам процесс выработки научного типа знания требует, во-первых, финансового обеспечения времени ученых, а во-вторых, определенной инфраструктуры в виде зданий и помещений, оборудования и других материальных средств. Кроме того, процесс выработки научного знания предполагает манипулирование уже существующим знанием, что подразумевает возможность доступа к его источникам (научные публикации, базы данных и т. д.).

Символические, коллективные и экономические основания науки находятся в непосредственной взаимосвязи. Некоторые исследователи предлагают рассматривать данное взаимодействие в качестве цикла производства и воспроизводства научных исследований и признания [9, с. 59]. В связи с этим концептуализация неравенства в науке должна принимать во внимание взаимозависимость выделенных аспектов научной деятельности и осуществлять поиск причин с учетом их специфики.

Теоретические рамки концептуализации неравенства в науке

Работы Р. Мёртона, посвященные эффекту Матфея в науке, способствовали появлению большого числа исследований по обнаружению зависимости между

переменными научного признания (цитируемость работ, присуждение премий и наград, назначение на академические должности) и рядом других перемен-

³Абушенко В. Л. Знание // Социология... С. 337.

ных (пол, возраст, аффилиация ученого, национальная принадлежность). Одна из первых и наиболее громких работ по данной проблеме была опубликована М. В. Росситер, которая обнаружила неравенство в распределении признания относительно женщин в науке и для обозначения данного феномена предложила термин «эффект Матильды» [10]. Подобные исследования предоставляют большое количество свидетельств в пользу существования неравенства в науке, однако обнаружение взаимосвязи между отдельными переменными не тождественно причинно-следственной связи. В данном контексте возникает вопрос о том, какие теории способны дать ресурсы для концептуализации неравенства в науке с учетом ее специфики.

В теоретическом наследии социологии, посвященном науке, можно обнаружить большое разнообразие концепций, однако не все они обладают релевантностью для концептуализации такого структурного феномена, как неравенство в научной среде. Первые исследования структуры науки были инициированы Р. Мёртоном и носили по большей части описательный характер. В 1970-х гг. интерес социологов, чьим предметом изучения выступала наука, начал смещаться на процессы конструирования научного знания на микроуровне взаимодействий между учеными, оставив структурные феномены за пределами внимания. На фоне растущей критики структурного функционализма теоретизирование структурных феноменов переживало кризис, однако в этот же период начали появляться интегративные теории. Французский социолог П. Бурдьё в своей концепции поля науки затронул и проблему неравенства в науке.

Неравенство выступает центральной проблемой в работах французского социолога, однако его подход заслуживает внимания в связи с тем, что оказывается наиболее сенситивным в отношении символического, коллективного и экономического аспектов научной деятельности. Обеспечить данное свойство у П. Бурдьё получается за счет новой на тот период концептуализации ресурсов, которое он обозначает понятием капитала.

По мнению П. Бурдьё, экономизму известен лишь один род интереса, который выработан самим капитализмом в результате создания мира, отношения обмена которого основаны на «холодной денежной расплате» [11, с. 221]. В связи с этим, а также с тем, что использование экономизмом методов и понятий, являющихся историческими продуктами капитализма, ведет к трансформации самого объекта изучения, экономизм оказывается не в состоянии учесть неэкономические интересы и объяснить общества или социальные поля, обладающие, по словам П. Бурдьё, «экономикой в себе, но не для себя» [11, с. 221]. Указав на данный недостаток, ученый очерчивает границы общей науки экономических практик, которая ориентирована на изучение капитала, включенного в разных формах

в структуры социального мира, а не только лишь капитала в форме, признаваемой и социально распознаваемой как экономический капитал, что выражается в деньгах и правах собственности.

Исследователь выделяет также культурный и социальный капитал. В то время как понятие социального капитала напрямую отсылает к реальным или потенциальным ресурсам, связанным с «обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами, с членством в группе» [12, с. 66], понятие культурного капитала является у П. Бурдьё более многомерным и включает в себя три состояния: инкорпорированное, объективированное и институционализированное. Инкорпорированное состояние связано с различиями в способностях и компетентностях агентов, «в диспозициях ума и тела» [12, с. 60], объективированное состояние – с обладанием материальными предметами и средствами, а институционализированное – с академическими квалификациями, имеющими институциональное признание.

Трансфигурации культурного и социального капитала, которые воспринимаются в соответствии со схемами классификации, определяемыми самой структурой распределения капитала в том или ином поле, порождают четвертый вид капитала – символический капитал, который связан с признанием со стороны других агентов и выступает «в качестве легитимной компетенции, в виде силы, влияющей на узнавание (или неузнавание)» [12, с. 62]. Обладание именно символическим капиталом позволяет устанавливать границы легитимных норм и образцов культуры в самом широком смысле. В науке символический капитал выступает в качестве научного капитала.

П. Бурдьё определяет научный капитал как особый вид символического капитала (всегда основан на актах узнавания и признания), состоящий в признании (доверии), которое даруется группой коллег-конкурентов внутри научного поля [13]. Условием для аккумуляции научного капитала являются демонстрация научного вклада агента (ученого) и признание данного вклада со стороны других агентов научного поля (ученых). «Существовать научно, – пишет П. Бурдьё, – означает обладать плюсом в отношении категорий восприятия, превалирующих в поле, т. е. относительно своих коллег (внести вклад во что-либо), выделиться (положительно) посредством особенного вклада» [14, с. 55].

Любой вид капитала обладает потенциальным свойством к производству прибыли и воспроизводству самого себя в идентичных или расширенных формах, но требует времени для накопления и подвержен тенденции к сохранению [15, р. 256]. Помимо того, формы капитала различаются своей ликвидностью, конвертабельностью, а также потенциалом для инфляции. Научный капитал является результатом конвертирования культурного, социального

и экономического капиталов, а их неравномерное распределение способно определять объем научного капитала.

Распределение научного капитала образует социальную структуру поля науки. Она, по мнению П. Бурдьё, способна определять стратегии поведения агентов в научном поле. Так, группы агентов с наибольшим объемом научного капитала французский социолог относит к классу доминирующих. Их можно обозначить в качестве ортодоксии научного поля, стратегии которой направлены на сохранение установленного порядка. Группы агентов с меньшим объемом научного капитала являются классом доминируемых. В зависимости от позиции, занимаемой в поле науки, и социальной траектории эти агенты способны выбирать как стратегии преемственности, которые заключаются в следовании утвержденному научному идеалу и создании умеренных инноваций, так и стратегии подрыва, ориентированные на переопределение принципов научной легитимности доминирования [16, с. 492], успех которой обусловлен спецификой установленного в научном поле порядка.

Таким образом, в теории П. Бурдьё эффект Матфея Р. Мёртона является неравномерным распре-

делением символического капитала в сфере науки, который выступает результатом конвертации других форм капитала: культурного, социального и экономического. Эвристическая ценность теории П. Бурдьё для концептуализации неравенства в науке во многом определяется ее интегративным характером, так как позволяет учесть взаимодействие ключевых аспектов научной деятельности, а также относительно легко перемещаться между макро- и микроуровнями социальных отношений в среде науки. Это условие также позволяет использовать ресурсы других теорий для более подробного изучения процессов, находящихся в разных плоскостях научной деятельности. Например, для понимания специфики взаимодействия социального и культурного капитала и его влияния на формирование символического капитала можно обратиться к концепции «невидимых колледжей» Дж. Прайса [17] или к теории интеллектуального пространства внимания Р. Коллинза [18], объектом концептуализации которых являются научные сообщества как научные школы. Такой аналитический шаг позволяет обнаружить причины успеха и неуспеха трансляции научного вклада отдельных ученых тому или иному научному сообществу.

Заключение

Данная работа представляет собой попытку обнаружить причины существования эффекта Матфея в науке, который выражает неравенство в научной среде. Феномен эффекта Матфея является парадоксальным в связи с тем, что вступает в противоречие с ключевыми принципами научного этоса коллективизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма.

Несмотря на большое количество публикаций, которые выявляют взаимосвязи между различными переменными, лежащими в основаниях неравенства, причинно-следственные связи в таких исследованиях редко оказываются раскрытыми. Установление возможных причин неравенства в науке требует обращения к теории, которая позволит построить объяснительную модель действия механизмов неравенства в этой сфере.

Поиск теоретических рамок в целях построения объяснительной модели и концептуализации неравенства в науке оказывается затруднительным в связи со специфическими чертами, которые она приобретает в сравнении с социальным неравенством. Установившиеся в социологии подходы к изучению неравенства в обществе характеризуются тенденцией к использованию экономического положения

и разделения труда в качестве основополагающих критериев социальной стратификации, в то время как неравенство в науке является символическим по своему характеру. Данное условие определяет необходимость поиска альтернативных подходов для концептуализации неравенства в науке.

Проведенный анализ научной деятельности показывает важность взаимосвязи символического, коллективного и экономического аспектов в процессе выработки научного знания и установления оснований неравенства в науке. Среди концепций и теорий, существующих в дисциплинарном поле социологии науки, наиболее релевантной для изучения неравенства в данной сфере оказывается теория поля науки П. Бурдьё, которая благодаря оперированию категориями различных форм капитала интегрирует в себя как взаимодействие отдельных аспектов научной деятельности, так и различные уровни социальных отношений в научной среде. Данное свойство теории П. Бурдьё позволяет провести более подробный анализ механизмов, производящих неравенство в науке, однако это становится возможным лишь при обращении к другим теориям и подходам из области социальных исследований науки.

Библиографические ссылки

1. Merton R. *The sociology of science. Theoretical and empirical investigations*. Chicago: University of Chicago Press; 1973. 605 p.
2. Мёртон Р. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности. *THESIS*. 1993;3:256–276.

3. Bonitz M, Bruckner E, Scharnhorst A. Characteristics and impact of the Matthew effect for countries. *Scientometrics*. 1997;40:407–422. DOI: 10.1007/BF02459289.
4. Радаев ВВ, Шкаратан ОИ. *Социальная стратификация*. Москва: Аспект Пресс; 1996. 318 с.
5. Жвиташвили АШ. Классовые схемы постиндустриального общества в западной социологии. *Социологическая наука и социальная практика*. 2017;5(1):7–23. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4990.
6. Шкаратан ОИ. *Социология неравенства. Теория и реальность*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012. 528 с.
7. Гидденс Э, Саттон Ф. *Основные понятия в социологии*. Рождественская Е, Гавриленко С, переводчики; Гавриленко С, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2018. 336 с.
8. Абушенко ВЛ. *Современная социология: проблемы, рамки, основания*. Минск: Экономпресс; 2016. 502 с.
9. Жэнгра И. *Социология науки*. Гашков СА, переводчик; Кирчик ОИ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2006. 873 с.
10. Rossiter M. The Matthew Matilda effect in science. *Social Studies of Science*. 1993;23(2):325–341.
11. Бурдьё П. *Практический смысл*. Москва: Алетейя; 2017. 560 с.
12. Бурдьё П. Формы капитала. *Экономическая социология*. 2002;3(5):60–74.
13. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, переводчик и составитель. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. Поле литературы; с. 365–472.
14. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки. В: Шматко НА, редактор. *Социоанализ Пьера Бурдьё*. Москва: Алетейя; 2001. с. 49–95.
15. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
16. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, переводчик и составитель. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. Поле науки; с. 473–517.
17. Прайс Дж, Бивер Д. Сотрудничество в «невидимом колледже». В: Мирской ЭМ, Садовский ВП, составители. *Коммуникация в современной науке*. Москва: Прогресс; 1976. с. 335–350.
18. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1284 с.

References

1. Merton R. *The sociology of science. Theoretical and empirical investigations*. Chicago: University of Chicago Press; 1973. 605 p.
2. Merton R. [The Matthew effect in science, II: cumulative advantage and the symbolism of intellectual property]. *THESIS*. 1993;3:256–276. Russian.
3. Bonitz M, Bruckner E, Scharnhorst A. Characteristics and impact of the Matthew effect for countries. *Scientometrics*. 1997;40:407–422. DOI: 10.1007/BF02459289.
4. Radaev VV, Shkaratan OI. *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Aspekt Press; 1996. 318 p. Russian.
5. Zhvitiashvili AS. Class schemes of modern society in Western sociology. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2017;5(1):7–23. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4990. Russian.
6. Shkaratan OI. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of inequality. Theory and reality]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 528 p. Russian.
7. Giddens A, Sutton P. *Essential concepts in sociology*. Cambridge: Polity Press; 2017. 224 p.
Russian edition: Giddens A, Sutton P. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii*. Rozhdestvenskaya E, Gavrilenko S, translators; Gavrilenko S, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2018. 336 p.
8. Abushenko VL. *Sovremennaya sotsiologiya: problemy, ramki, osnovaniya* [Modern sociology: problems, framework, foundations]. Minsk: Ekonompress; 2016. 502 p. Russian.
9. Gingras Y. *Sociologie des sciences*. Paris: Presses Universitaires de France; 2013. 127 p.
Russian edition: Gingras Y. *Sotsiologiya nauki*. Gashkov SA, translator; Kirchik OI, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2017. 112 p. Russian.
10. Rossiter M. The Matthew Matilda effect in science. *Social Studies of Science*. 1993;23(2):325–341.
11. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [The logic of practice]. Moscow: Aleteiya; 2017. 560 p. Russian.
12. Bourdieu P. [The forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002;3(5):60–74. Russian.
13. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Shmatko NA, translator and compiler. Saint Perersburg: Aleteiya; 2005. [The field of literature]; p. 365–472. Russian.
14. Bourdieu P. [A clinical sociology of the scientific field]. In: Shmatko NA, editor. *Sotsioanaliz P'era Burd'e* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. Moscow: Aleteiya; 2001. p. 49–95. Russian.
15. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
16. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Shmatko NA, translator and compiler. Saint Perersburg: Aleteiya; 2005. [The field of science]; p. 473–517. Russian.
17. Price J, Beaver D. [Cooperation in the «invisible college»]. In: Mirskoi EM, Sadovskii VP, compilers. *Kommunikatsiya v sovremennoi nauke* [Communication in modern science]. Moscow: Progress; 1976. p. 335–350. Russian.
18. Collins R. *Sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Harvard University Press; 1998. 1098 p.
Russian edition: Collins R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Rozov NS, Vertgeim YuB, translators. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2002. 1284 p.